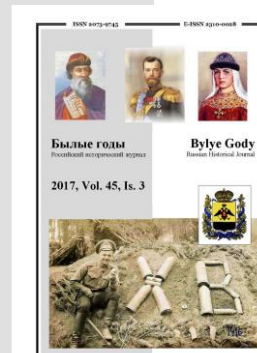

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 811-820, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.811
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Siberia of the 19th century through the Russian Intelligentsia' eyes

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Sergey T. Gaydin ^b, Grigorii A. Reut ^b

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The paper reveals particularities of Siberia perception in the 19th century by the representatives of Russian intelligentsia, considers aims of their stay in Siberia and its contacts with various representatives of local population. Characteristic traits of life in governorate and provincial towns of Siberia are explained. Regularities revealed in the course of analyzing sources that were left by the Russian intelligentsia, let us speak about commonness of socio-cultural processes, which happened in the region of Siberia and central Russia in the 19th century, as well, as give reasoning for dependence of this processes from changes that occurred in cultural life of Russia. In the process of comparative analysis of diaries, traveler's notes and letters of L.F. Pantelev, A.P. Chekhov, V.Ya. Shishkov, V.G. Korolenko, S.P. Shvetsov, there were revealed differences and common features in their perception of certain sides of Siberians' life. Differences in perception of cultural life in the region by representatives of Russian intelligentsia were conditioned by reasons, due to which they found themselves in Siberia and, in much part by that with what representatives of the Siberian people they happened to contact. The article discusses distinctive features in ethic and esthetic perception of reality between the Russian population and Siberians. Such character traits of the Siberian people as pride, independence, practical absence of religious feelings and undeveloped ability of the world esthetic perception are revealed. Importance of these observations made by the Russian intelligentsia, is conditioned by that the local intelligentsia originated from the simple folk mainly, meaning they inherited their character traits, which in its turn influenced system of cultural values created by the them.

Keywords: intelligentsia, culture, Russia, Siberia, A.P. Chekhov, V.Ya. Shishkov, V.G. Korolenko, L.F. Pantelev, S.P. Shvetsov.

1. Введение

Сибирь как особый социокультурный элемент всегда вызывала живой интерес со стороны исследователей. История развития связей Европейской России и Сибири, её культурно-психологическое восприятие жителями центрального региона во многом зависело от российской интеллигенции. Благодаря именно её усилиям осуществлялись многие культурные контакты, в ходе которых жители европейской России получали сведения о Сибири и составляли своё представление о ней. Посредством своей деятельности интеллигенция, создавая образы восприятия действительности, формировала у населения определенную картину мира. В этой связи происходит и переосмысление значения интеллигенции для развития всей культуры в целом. Повышенный интерес к региональной истории усилил внимание и к истории культуры регионов. Роль российской интеллигенции в выявлении культурного потенциала Сибири XIX в. явилась в этом плане несомненной. Антропологическое направление культурологии так же всегда основывалось на том, что необходимо

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), kaf.history@mail.ru (S.T. Gaydin)

уделять должное внимание человеческому фактору, то есть людям, которые способны приводить в движение культурные процессы. Для Сибири такими людьми, способными повлиять на ее культурный потенциал, привнося в него новые элементы культуры, являлись представители российской интеллигенции. Развитие культуры Сибири во многом определялось культурно-историческими процессами, происходившими в центральной России, а в качестве проводников этих процессов чаще всего выступала интеллигенция. Знания по истории культуры Сибири XIX в., особенностях её развития и уникальных чертах мы можем получить благодаря свидетельствам той части российской интеллигенции, судьбы которой были связаны с Сибирью. Анализируя биографии, письма, воспоминания, путевые заметки представителей российской интеллигенции, внесших определенный вклад в развитие региона, мы имеем возможность составить представление о специфике культурного процесса, локализованного в провинции. В Сибирь же представители российской интеллигенции чаще всего попадали или в качестве политических ссыльных или в качестве добровольно приехавших на работу.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковой базой статьи явились документы государственных архивов Омской, Иркутской областей, Красноярского края, воспоминания и письма ученых, представителей творческой интеллигенции России и Сибири, материалы периодической печати XIX в.

2.2. Анализ источников производился на основе общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы позволили рассмотреть поставленные научные вопросы в их развитии и подвергнуть анализу процессы, происходившие в России и Сибири в XIX в. Принцип историзма помог рассмотреть фактический материал в контексте общественно-политических процессов. Историко-биографический метод дал возможность описания, реконструкции и анализа обстоятельств жизни и результатов деятельности интеллигенции России и отдельных ее представителей.

3. Обсуждение

Важнейшими источниками изучения социокультурной жизни Сибири XIX в. являются свидетельства представителей российской интеллигенции побывавших в регионе в рассматриваемый период. К таким источникам, прежде всего можно отнести воспоминания Л.Ф. Пантелеева (Пантелеев, 1958), который из-за своей революционной деятельности оказался в Сибири, смог адаптироваться к местным условиям и даже поправить свое материальное положение. «Впечатления о Сибири» В.Я. Шишкова (Шишков, 1987) позволяют судить об образе жизни местной интеллигенции и народа, с представителями которого он встречался во время своих экспедиций. Богат фактическим материалом дневник В.Г. Короленко (Короленко, 1926), его воспоминания «История моего современника» (Короленко, 1985), а так же «Сибирские рассказы и очерки» (Короленко, 1987), в основе которых лежат прототипы реальных людей и описаны реальные события, свидетелем которых был автор. В 90-е гг. XIX в. происходило наиболее интенсивное включение Сибири в культурную орбиту России. Этому в немалой степени способствовала корреспонденция, отправлявшаяся российской интеллигенцией из Сибири. Поездка А.П. Чехова на остров Сахалин, его письма (Чехов, 1987) и опубликованные заметки (Чехов, 1976) не только привлекли внимание общественности к проблемам региона, но и позволили увидеть эти проблемы глазами российского интеллигента. Неоценимый вклад в исследование проблемы внесли труды С.П. Швецова (Швецов, 1909), позволяющие сделать выводы о климатических условиях Сибири, социальном составе ее населения. О специфике сибирского характера, особенностях мировоззрения сибиряков можно судить по публикациям В.П. Семенова-Тян-Шанского (Семенов-Тян-Шанский, 1998). Этим же проблем касался в своих трудах крупнейший фольклорист, исследователь народной жизни Сибири М.К. Азадовский (Азадовский, 1928). В.И. Ленин, исследуя социально-политическую обстановку в России, так же в своих статьях обращал внимание на образ жизни сибирского народа, отмечая независимость и самостоятельность его характера (Ленин, 1967: 79).

Не обходят Сибирь своим вниманием современные исследователи, они обращаются к биографиям людей, внесших определенный вклад в культурную жизнь региона. О жизни С.П. Швецова, сосланного за свою революционную деятельность в Сибирь, во время которой и проявился его дар публициста и ученого, говорится в статье «Ученый-сибиряк» С.П. Швецов и его научное наследие» (Курьшов, 2011). Истории интеллигенции как движущей силы социокультурных преобразований в Сибири посвящена статья Е.В. Самойловой (Самойлова, 2006). Социальному составу населения Сибири, в частности структурному анализу сибирской интеллигенции, уделяется внимание в исследовании В.А. Зверева и Ю.В. Дружининой (Зверев, Дружинина, 2013). Быту, повседневной жизни городской интеллигенции Сибири посвящена статья М.В. Шиловского (Шиловский, 2004). Фундаментальный характер носит труд Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского, посвященный Сибири, нравам, обычаям сибирского народа, особенностями его менталитета, роли интеллигенции в социокультурном развитии региона (Резун, Шиловский, 2005).

Современные иностранные ученые касаются в своих исследованиях судеб интеллигенции России (Finkel, 2003), вопросов языка и религии в Сибири (Graber, Murraru, 2015), сибирского областничества (Pereira, 1993), гендерных проблем в сибирской ссылке (Gentes, 2003).

Исследования современных ученых существенно обогащает представление о Сибири, сформированное на основании анализа путевых заметок, дневников, воспоминаний, оставленных российской интеллигенцией XIX в. Новые подходы в методологии позволяют по-новому осмыслить накопленные знания и составить наиболее целостное представление о социально-культурных процессах, происходивших в регионе.

4. Результаты

«Всякие слухи о Сибири в народе ходят, – и хорошие, и худые, такие, в которых уж очень хвалят ее, и такие, в которых ее еще больше бранят и хаят. И все-таки мало кто знает из крестьян доподлинно верно, что эта за страна такая, какие в ней порядки, какой в ней народ живет, где, наконец, сама она находится» (Швецов, 1909: 5). Так С.П. Швецов начинает свой труд «Сибирь, кто в ней живет и как живет: беседы о сибирских «вольных землях» и переселении на них». Сергей Порфирьевич не был сибиряком, он родился в Курске в дворянской семье, учился в архангельской гимназии и Петербургском учительском институте. Из-за своей революционной деятельности попал в Сибирь, где и отбывал ссылку. Им опубликовано более ста работ о Сибири. Это позволяет считать С.П. Швецова выдающимся сибиреведом, хотя и малоизвестным широкому кругу читателей. Прежде всего, автор знакомит читателя с географическим положением и климатическими условиями региона. «Сибирь гораздо обширнее всей остальной России, а если брать для сравнения только 50 коренных российских губерний, то Сибирь более чем в 2 ½ раза обширнее». Губернии все непохожи одна на другую. В Тобольской губернии «есть степные уезды, где самая лучшая пшеница родится». А в Сургутском и Березовском уездах из-за короткого лета «не только что колоса, а просто хлебного зерна не выдвали, не знают, как и муку делают». И главное занятие населения – это различные промыслы. Кроме низменных мест «есть горы очень высокие, с которых никогда не сходит снег», «травянистые степи и степи, покрытые березовым и осиновым лесом». «За Обью... начинаются леса, по-сибирски, – тайга» (Швецов, 1909: 8-9). Для любого жителя России, планировавшего посетить Сибирь или переселиться туда в начале XX в., полученные из книги Швецова сведения оказывали неоценимую услугу.

Увидеть Сибирь XIX в. глазами человека, оказавшегося на её просторах не по своей воле, помогают мемуары Лонгина Федоровича Пантелеева. Убежденность в несправедливости существующего миропорядка и неспособности власти изменить что-либо в лучшую сторону толкнула студента Пантелеева в водоворот политической борьбы. А обвинение в участии в делах революционной организации «Земля и Воля» послужило основанием для вынесения в 1864 г. приговора: шесть лет каторги, которую после его прибытия в Енисейскую губернию заменили поселением. Представление о жизни сибирского губернского города XIX в. помогает составить описание Пантелеевым Тобольска. Расположенный в низменности город часто затоплялся при разливе р.Тобол. Самым значительным сооружением являлся острог, находившийся на горе и возвышавшийся над городом. Именно в Тобольск стекались практически все политические ссыльные, так как здесь происходило их распределение по разным частям региона. И хотя город был бедным, арестантов кормили хорошо, давали качественное обмундирование. Заслуга в этом принадлежала губернатору Тобольска А.И. Деспот-Зеновичу. Человек блестяще образованный, сам некогда высланный в Восточную Сибирь, он сочувственно относился к политссыльным и старался облегчить их участь. Александр II лично назначил его губернатором Тобольска (Пантелеев, 1958: 430). Являясь представителем российской интеллигенции, по воле судьбы став крупным сибирским чиновником, А.И. Деспот-Зенович остался в народной памяти как борец с произволом и беззаконием.

Томск на Пантелеева произвел впечатление небольшого, но оживленного города. Выглядел он неказисто и главной его достопримечательностью были развалины обрушившегося собора. Интеллигенцию города составляли в основном люди, высланные из России и ссыльные поляки. Среди дамского населения популярны были романы Жорж Санд. Привлекала внимание колоритная фигура миллионера-золотопромышленника Асташева. Его биография является ярким примером того, как в Сибири благодаря находчивости, природной смекалке можно было стремительно подняться из самых низов и достигнуть блестящего положения (Пантелеев, 1958: 441).

Несколькими годами позже Томск посетил А.П. Чехов. Народ, с которым он встречался во время своей поездки в Сибири – это арестанты, солдаты, переселенцы, покинувшие родные места в поисках лучшей доли, крестьяне, потомки раскольников, ссыльные, местные жители. Как представитель российской интеллигенции Антон Павлович интересовался, кем была представлена эта социальная группа в Сибири. Он разделял сибирскую интеллигенцию на местную и приезжую и характеризовал ее по-разному. «Интеллигентные ссыльные – это все бывшие офицеры, чиновники, нотариусы, бухгалтера, представители золотой молодежи, присланные сюда за долги, растраты, мошенничества и т.п., – ведут жизнь замкнутую и скромную» (Чехов, 1987: 26). По свидетельству писателя, ссыльные интеллигенты были дурно образованы. Не сумев приспособиться к новым условиям, через 2–3 года они умирали в страшной нищете. Некоторые, впрочем, приспособивались, занимаясь торговлей, адвокатурой, журналистикой. Ссыльные поляки

выделялись более изысканными манерами и образом жизни. Некоторые из них даже после амнистии оставались в Сибири. Но всё же, жить европейскому человеку в Сибири было скучно: всё дорого, грязно и скудно. И жизнь вследствие этого была особенно тяжела. Для ссыльной интеллигенции Сибирь воспринималась чаще всего как драматическая страница в ее жизни. Уныние и тоска овладевали ею по прибытии в этот суровый край. С таким настроением человек вряд ли был способен творчески относиться к жизни и улучшить окружающую его действительность. А. Чехов писал, что ему нестерпимо жаль было этих людей, и встречи с ними не радовали его. Встречался писатель и со свободными интеллигентами, которые неизвестно как попали в Сибирь. Характеризовал он одного из них как «прекрасного, интеллигентного, протестующего либерала», учившегося когда-то в Петербурге, а теперь служившим писарем при местном заседателе и спившимся вместе со своим «принципалом» (Чехов, 1987: 89). Самого Чехова в Сибири знали и уважали как писателя. В Томске к нему приходил помощник полицмейстера, который пробовал писать сам. Приходил «как в Мекку к Магомету, дабы познакомиться» (Чехов, 1976: 112). Полицмейстер прочитал принесенный с собой рассказ, по мнению писателя недурной, но «только слишком местный». Далее гость попросил водки. «Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не просил бы водки» – писал Чехов далее в письме к Суворину (Чехов, 1984: 226). «Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж вам задает вопрос: «А не выпить ли нам водки?». И от скуки пьет с ним ссыльный, сначала морщится, потом привыкает и, в конце концов, конечно, спивается» (Чехов, 1987: 27). К сожалению, любовь к водке в записках и письмах Чехова выступает как основная отличительная черта местной интеллигенции. Вероятно, он встречался не с лучшими её представителями и поэтому оценку писателя в этом плане можно считать несколько односторонней. В качестве подтверждения этого предположения могут послужить воспоминания В.Я. Шишкова.

Вячеслав Яковлевич Шишков, в будущем известный писатель, всего четырьмя годами позже Чехова приехал в Томск в 1894 г. на службу в округ путей сообщения. В своих воспоминаниях о нем К. Федин писал: «И когда наш читатель захочет заглянуть в глубину истории Сибири, он не сможет обойтись без Вячеслава Шишкова» (Яновский, 1987: 4). Сибирский писатель Г.Д. Гребенщиков считал, что «...в лице этого писателя мы приобретаем действительно нужного и полезного изобразителя одной из обширнейших и неведомых окраин нашей страны» (Яновский, 1987: 63). Из общего числа специалистов, приехавших работать в Сибирь по добровольному найму, фигура В. Шишкова выделялась благодаря его таланту и тому литературному наследию, которое он оставил после себя. Двадцать лет жизни писатель отдал Сибири, которая стала его второй родиной. События и переживания этого периода органично вплетаются в его биографию. Знакомясь с воспоминаниями В. Шишкова, мы составляем совершенно другое представление о Томске тех лет, нежели то, которое находим в письмах и записках А. Чехова. В городе был драматический театр с хорошей труппой, приезжали на гастроли хор Славянского и хор Карагеоргиевского, известные тогда по всей России. В доме поэта Г. Вяткина, где и жил Шишков, нередко собирались учителя двух гимназий и реального училища. На собраниях обсуждались вопросы литературы (Русские писатели, 1990: 413). В городе проживала династия художников Соловкиных. Глава династии И.Т. Соловкин получил образование в Академии художеств. Имея семерых детей, вынужден был сочетать занятие искусством со службой (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Его старший сын В.И. Соловкин занимался декоративно-прикладным искусством, он был художником по изготовлению искусственных цветов, растений и композиций из них, которые использовались для украшения одежды и оформления интерьеров (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 6. Лл. 2-4). В.И. Соловкин участвовал во Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, где его работы были удостоены бронзовой медали и диплома выставки. Газета «Томский листок» по этому поводу писала: «Для музеев, а также для любителей г. Соловкин – большая и ценная находка, которой, конечно, следует воспользоваться» (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 6. Л. 3). Другой сын И.Т. Соловкина – Валерий Иванович работал в театре художником-бутафором (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 20. Л. 1). Анатолий Соловкин после окончания школы «Императорского общества поощрения художеств» в Петербурге работал художником-скульптором, давал уроки лепки и рисования (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1). Художницей была и дочь И.Т. Соловкина – Нина Ивановна (ГАТО. Ф. Р.-1884. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2). Как видим в Томске имелся свой творческий потенциал, местная интеллигенция. Авторитетом в городе пользовалась газета «Сибирская жизнь», основанная купцом П.И. Макушиным, который занимался просветительской деятельностью, имел книжный магазин и библиотеку, содержал на свои деньги Томский вечерний университет, где занимались рабочие и служащие. Литературный кружок во главе с Г. Вяткиным основал журнал «Молодая Сибирь», на страницах которого печатались ведущие сибирские писатели: И. Тачалов, П. Драверт, Г. Гребенщиков, И. Вяткин, В. Шишков (Очерки, 1982: 513). Сам Шишков обучал грамоте взрослых людей в воскресной школе, работал в составе президиума научного Общества изучения Сибири, участвовал в публичных чтениях (Яновский, 1987: 25). Значимым для него было знакомство с Г.Н. Потаниным, благодаря которому он вошел в среду передовой интеллигенции Томска. На основании перечисленных фактов можно сделать вывод, что не всё так безнадежно было в развитии культуры региона, и в составе сибирской интеллигенции были здоровые, интеллектуально развитые люди, стремившиеся поднять культуру края и видевшие в этом свой первоочередной долг.

Чехову же Томск не понравился. Он отмечал, что скука в сибирских городах царит оттого, что нет никаких развлечений, если не считать плохих трактиров, бань и многочисленных домов терпимости. В одном из писем писатель информировал А.С. Суворина о том, что собирается осмотреть Томский университет, который имел тогда только один медицинский факультет, что позволит ему при осмотре «не явить себя профаном» (Чехов, 1976: 62). В письмах к родным писатель упоминал о том, что больниц и врачей в городе нет, заменяют их фельдшеры недостаточной квалификации и сожалел, что университет открылся там, а не в понравившемся ему Красноярске.

Красноярск в XIX в. являлся крупным культурным центром Восточной Сибири. «В пределах Восточной Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017: 88). Местное образованное общество, согласно воспоминаниям Л.Ф. Пантелеева, состояло тогда в основном из чиновников. Политических ссыльных, в частности поляков, воспринимали здесь как высококультурный элемент. Поэтому их брали на поруки. Золотопромышленники устраивали их на работу, доктора из политссыльных занимались медицинской практикой, хотя это было запрещено. Все дамы красноярского света, включая и жену губернатора Замятина, были частыми гостями Пантелеевых. Местную элиту составляли полицмейстер, начальник телеграфной станции, бухгалтер банка, прокурор, советник, заведовавший экспедицией по ссыльным, золотопромышленники Безносиков и Шипилин. Вся эта компания даже по сибирским меркам имела особое пристрастие к выпивке и картам. Губернатор Енисейской губернии П.Н. Замятин, по свидетельству Пантелеева, был человеком недалеким, взбалмошным, но не злым. С ним иногда происходили курьезные случаи. Так он отдал приказ, согласно которому все французы, сосланные по делу польского восстания должны были быть высланы из Красноярска, так как они якобы угрожали женской добродетели. Из Иркутска был послан запрос по этому делу и приказ был отменен (Пантелеев, 1958: 564). Однако не всё так безрадостно было в красноярском обществе. Енисейский вице-губернатор И.А. Малахов, являясь человеком образованным и вдумчивым, постоянно интересовался всеми научными и литературными новостями. Он не только прочитал популярную в то время книгу И.М. Сеченова «Рефлексы», но и руководствовался идеями ученого в жизни. Являясь человеком безукоризненной честности, Малахов постоянно находился в конфликте с губернатором (Пантелеев, 1958: 526).

Более унылой, тоскливой и скучной в культурном плане была жизнь уездных сибирских городов. О ней вспоминал Л.Ф. Пантелеев, который из Красноярска был переведен в Енисейск. Там он поступил на службу к золотопромышленнику Базилевскому. Город жил своей замкнутой жизнью. Новости о России узнавали из газет. О монотонной жизни Енисейска писал в своих воспоминаниях и историк А.Л. Яворский. «Единственным постоянным просветительским учреждением были библиотека и музей. Но грамотных было мало. В музей ходили мало, хотя был он на базарной площади» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 1). «Событием для культурной жизни города, которые потом долго обсуждались, были различные гастролы, будь то цирковое представление или всегда имевшая шумный успех капелла Славянского. В г. Енисейске жил единственный живописец – Бутусин, который писал иконы, за что его называли «богомозом» (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 3). Ничем не выделялась и жизнь провинциального Канска. Историк и писатель В.И. Вагин писал, что это самый обыкновенный сибирский город. В городе существовал единственный оркестр, которым управлял еврей Янкель – единственная скрипка в городе. Ему помогали три дочери: «одна из его дочерей гудела на контрабасе, другая брэнчала на цымбале, а третья изо всех сил била в бубен. Оркестр был довольно своеобразен. Нельзя сказать, чтобы он был и слишком строен, но за неимением, не только лучшего, но и никакого другого. И этот годился» (ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 12. Л. 4). Свидетельства российской и сибирской интеллигенции о культурной жизни региона не противоречат друг другу. Художественная жизнь уездных городов Сибири во многом была ориентирована на культурный опыт губернских центров. Находясь под их культурным влиянием, она вместе с ними образовывала единый культурный регион, который испытывал постоянное непосредственное и опосредованное влияние культурных процессов, происходивших в столицах.

Местному населению было легче приспособиться к суровым условиям сибирской жизни, тяжелее переносили свое вынужденное пребывание в Сибири политические ссыльные. К ссыльным горожане относились лояльно, но сама по себе жизнь на приисках была очень тяжелой. Политические страдали от «жуткой тоски» и безысходности. Мужчины служили в конторе, женщины учили грамоте местных детей, чтобы хоть как-то занять себя (Пантелеев, 1958: 601). О тяжёлой доле политических ссыльных писал в своих воспоминаниях В. Шишков. Жили они колониями в деревнях. Двое из знакомых ему ссыльных женились на дочерях местных торговцев, они ездили по тайге и обирали тунгусов, оправдывая это тем, что без дела жить скучно (Воспоминания, 1987: 20). С. Швецов так же в своей книге указывал на то, что «ссыльные за разные преступления... большей частью живут очень бедно, перебиваясь кое-как, но часть их занимается также земледелием и скотоводством» (Швецов, 1909: 40).

Сибирская действительность часто ломала людей, не все могли приспособиться к её суровым условиям. Не выдержав столкновения с реальной жизнью, многие, забыв о своих убеждениях, из-за которых и попали в Сибирь, опускались на самое ее дно. В 80-х годах этапом в качестве ссыльного через всю Сибирь прошел В.Г. Короленко. Будучи талантливым писателем в своих произведениях,

дневниках, письмах, он создал обобщенные образы жителей Сибири. Это, например, Макар – русский переселенец, у которого жил писатель. Покорность судьбе и неверие в какие-либо разумные перемены постепенно опустили его до уровня одичания и заброшенности. Чиновники, приехавшие из России для выполнения государственных обязанностей, на деле обустроивали свои личные дела. Работник Степан, проживший в Сибири 15 лет и пахарь Тимоха, тяжёлая работа которых делала их жизнь невыносимо трудной, а осознание того, что это навсегда лишало её смысла. Сибирь подавляла писателя своей грандиозностью и суровостью. По его образному выражению напоминала она огромный гроб, в котором предстояло остаться навсегда. Состояние хронической депрессии, в котором оказывались люди, высланные в Сибирь, порой толкало их на неадекватные поступки. Всех поселенцев буквально поразил слух о том, что ссыльный Багин задушил свою жену, а затем отравился сам. Ссыльный Павлов закончил жизнь самоубийством оставив записку: «умер от тоски и нечего неделывания». Раздоры и тюремные дразги росли среди польских повстанцев, нравы их постепенно падали (Короленко, 1985: 288). Самого писателя от «нечего неделывания» спасла работа. Своему брату в Глазов он писал: «Итак – я выучился пахать, боронить, косить и даже жать... У меня имеется конь. ...Кроме этих занятий промышляем ещё и в тайге зайцев» (Короленко, 1935: 171-173). Кроме того он обучал грамоте местных детей, записывал якутские песни, на всех станциях, которые проезжал, собирал сведения о сибирских жителях, их имущественном состоянии, вел активную переписку с российскими журналами. Как видим, спасение от тоски и следовавшего за ней пьянства все-таки было, но не все сумели им воспользоваться.

Отличие в этических и эстетических представлениях у жителей России и Сибири проложило в сознании людей довольно чёткую грань между двумя регионами. То, что нормальным и естественным считалось в России, не всегда принималось в Сибири, и наоборот. Например, немалое удивление у Пантелеева вызвал существовавший в Сибири обычай совершенно бесплатно давать тарантас для переезда из города в город. Полагаясь на честность путешественников, сибиряки верили, что тарантас вернётся назад с кем-нибудь из проезжающих. И такая практика была в Сибири повсеместной. «Нравы чудесные» и «традиции добрые» сибиряков в этом плане поразили и А.П. Чехова во время его путешествия на Сахалин. Он никогда не слышал, чтобы в дороге у проезжающих что-либо украли. В заметках «Из Сибири», в письмах к А.С. Суворину, А.Н. Плещееву, М.В. Киселевой он отмечал, что о грабежах на дорогах в Сибири не принято даже говорить.

Зато манера общения сибиряков поражала европейцев неприятно. «Непечатная брань просто заполняла воздух». «Без неё, казалось, сибиряк не мог выговорить двух слов». «Въезжая в сибирскую деревню, надо плотно затыкать уши» (Пантелеев, 1958: 443). Страшное сибирское «чтоб тебя язвило» слышалось повсюду – писал в своих воспоминаниях Л. Пантелеев (Пантелеев, 1958: 616). Чехов так же отмечал, что речь сибиряков и речью-то назвать нельзя. Все ругаются не просто, а «ругаются нестерпимо». «Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имевшие целью оскорбить и осквернить человека во всём, что ему свято, дорого и любо!» (Чехов, 1987: 12).

Разными были представления о жизни у россиян и сибиряков и проявлялись они во многом. Например, в определенной независимости и самостоятельности местной администрации. В своих воспоминаниях Пантелеев описывает эпизод столкновения сопровождавших его жандармов и местного полицмейстера. Когда жандармы стали ссылаться на авторитет генерала Трепова, то получили такой ответ: «А мне какое дело до вашего Трепова; это для вас он всё, а я его и знать не знаю» (Пантелеев, 1958: 424). Множественные высказывания представителей российской интеллигенции о сибирском народе позволяют выделить особенности его характера. Писатель Г. Успенский отмечал самостоятельность сибирского крестьянина, гордость сибирского мужика. А.П. Чехов в своих письмах писал, что здесь «народ все более независимый, самостоятельный» (Чехов, 1987: 349). В.Л. Ленин, находясь в Шушенской ссылке и близко общаясь с сибирским народом, в статье «Крепостники за работой» отмечал: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен» (Ленин, 1967: 79). Гордость, независимость, чувство собственного достоинства были присущи сибирскому народу. И именно на эти качества опирался Г.Н. Потанин, когда прилагая немалые усилия, способствовал формированию сибирской интеллигенции, видя в ней силу необходимую для становления культуры края.

Прослеживаются различия между сибиряками и россиянами XIX в. и в бытовых мелочах. По дороге в Томск, указывая машинисту парохода на грязь, Пантелеев получил такой ответ: «Здесь не Россия, а Сибирь. Главная забота, чтобы скорее делать рейс, зимой успеем всё перечислить». Удивительным для него было и то, что во главе приисковой партии, ехавшей до Томска, стоял бывший содержатель постоялого двора в Тюмени, то есть человек, не имевший никакого технического образования. В городе все играли в «стукалку», «даже девочки, лет пятнадцати, считали её самым приятным времяпрепровождением» (Пантелеев, 1958: 435). Такой низкий уровень общего развития, когда азартные игры могли заменить собой все духовные потребности, неприятно поразили Пантелеева.

Низкий уровень развития культуры в целом и полное отсутствие в ней духовного начала отмечал и А.П. Чехов, анализируя быт сибиряков. Незрелость эстетического чувства у местного населения писатель связывал с суровыми климатическими условиями. Если человеку круглый год приходится бороться со стихией и надрываться от тяжелого труда, то сил для творчества у него не остается. «Народ

здесь в Сибири темный, бесталаный... живется им скучно, спрос на художников большой, но бог не дает художников...». Далее писатель спрашивал: «Куда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец...» (Чехов, 1987: 14). Сидя часами на станциях в ожидании лошадей или пережидая непогоду, Чехов знакомился с различными представителями сибирского народа. Ожидая лодку в Красном Яре, он побеседовал с Петром Петровичем, который вместе с братом пашет землю, торгует скотом, возит вольных и имеет полный достаток и даже излишки. Но болит у него душа за «тёмный» и «бесталаный» сибирский народ, который только землю пашет и вольных возит и ничего больше не умеет. «Даже рыбы ловить не умеет». И живет народ за счёт того, что везут из России: «и полушубки, и ситец, и посуду и гвозди». Живет народ скучно, хотя «сердце имеет мягкое» (Чехов, 1987: 22). На фоне бездорожья, удручающей грязи тракторов и постоялых дворов, нестерпимой брани ямщиков удивительным диссонансом выглядела изба вольного ямщика. Приятно поразила писателя чистая, светлая, просторная горница. С удовлетворением он отметил, что всё-таки тянется к свету душа сибирского человека и живёт в ней чувство прекрасного, хотя даже «немудрёная живопись», украшающая стены избы и печь принадлежит ссыльному, а не местному жителю (Чехов, 1987: 14). Антон Павлович не встретил в Сибири ни романтиков, ни поэтов, но верил, что со временем они появятся, и вдохновит их на творчество природа, «которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная» (Чехов, 1987: 35). Другой вдохновляющей силой, по мнению писателя, могла стать женщина. Но женщины в Сибири как он считал, были неинтересны и скучны и в силу этого не способны «вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности». И выходит, что трудно сибирскому интеллигенту было соответствовать своему статусу: оценить красоту природы он не мог в силу неразвитости эстетического вкуса, и в лице женщины он не находит идеала способного вдохновить на творчество. Практическое же отсутствие высших учебных заведений служило препятствием для его интеллектуального развития.

Известный географ и исследователь В. Семенов-Тянь-Шанский в своих отчетах об экспедиции 1895 г. писал: «Характерные черты коренного сибиряка – это отсутствие религиозности и каких-либо поэтических склонностей; жалкие остатки последние сохранились разве только в любви к домашним растениям, лубочным картинкам, расписным дугам, печкам и дверям». (Семенов-Тянь-Шанский, 1998: 185). К таким же выводам приходит и С. Швецов, который в своей книге указывает, что «церквей в Сибири по деревням мало: на каждую волость одна, две церкви, редко больше. Сибиряки не очень прилежны к церкви... многие держатся старой веры» (Швецов, 1909: 41). Отсутствие поэтических склонностей у сибирского народа отмечает и писатель, этнограф А. Щапов, который блестяще закончил Казанскую духовную академию, после чего был избран профессором кафедры русской истории в Казанском университете. Можно сказать, что в своем лице он представлял и сибирскую и российскую интеллигенцию. Занимаясь этнографией региона «отец сибирского областничества» писал: «Поэтического чувства у него (сибиряка) нет совершенно. Сибирское население менее способно или склонно к эпическому творчеству, к идеалистической поэзии, чем великорусский народ». Далее он писал о том, что даже песни, пришедшие в Сибирь из России «искажены вставками, припевками, утратили задушевность и глубину чувства». К этому же мнению об отсутствии поэтического начала у сибиряков, пришел в ходе своего исследования и этнограф-славист П.А. Ровинский (Азадовский, 1988: 243-244). Как видим, Сибирь XIX в. представляла собой самостоятельный социокультурный регион, с совершенно другим укладом жизни, совсем не таким, к которому привыкли жители европейской части России. И поэтому «все в ней им не нравится, все не так: и люди не такие, и порядки не те, к которым они привыкли дома, и погода другая, и земля иная, – все чужое, незнакомое, не ласковое» (Швецов, 1909: 42). И требовалось немало времени, чтобы понять Сибирь, привыкнуть к ней, и может даже полюбить ее. Сведения о жизни сибирского народа, полученные в ходе анализа предложенных источников, представляют особую ценность, так как «местная интеллигенция происходила в основном из народа. В 1880-1890-е гг. она только начинает формироваться и складываться в определенный общественный слой и единственным источником ее формирования мог быть только народ» (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015: 975). Сибирская интеллигенция была близка с народом и являлась носительницей его мироощущения и эстетических понятий. Такого глубокого непонимания как в России между интеллигенцией и народом в Сибири не было. И поэтому местную интеллигенцию справедливо можно назвать выразительницей чаяний и стремлений народных.

Многочисленные грани сибирской жизни нашли свое отражение в произведениях В. Шишкова, основанных в большинстве случаев на реальных событиях. Рассказы о жизни золотопромышленников Енисейской тайги потомка енисейских купцов Н.Е. Матонина подтолкнули писателя к созданию самого грандиозного своего произведения романа «Угрюм-река», который можно рассматривать как своеобразный итог многолетних наблюдений и размышлений автора о сибирской жизни. И хотя действие происходит в основном в Восточной Сибири, роман носит обобщающий характер, воссоздавая на своих страницах характерный для сибиряков жизненный уклад. Проследив судьбу главного героя романа Прохора Громова, читатель знакомится с разными людьми, живущими в Сибири. Это ее коренные жители – тунгусы, с их уникальной и экзотической для европейского читателя культурой. Это и политические ссыльные, с которыми знакомится Прохор. Один из них представляется ему как фармацевт, другой – как бухгалтер, третий – как юрист (Шишков, 1982: 63). Среди них были студенты. Опытные техники, механики (Шишков, 1982: 539). Эти данные дают представление о социальном составе

политических ссыльных. Об их судьбе в Сибири рассуждает в романе царский преступник Шапошников: одни «батрачат у крестьян, стойко переносят все тяготы ссылки, не порывают с революционной работой, следят за событиями в стране, читают, организуют кружки самообразования, иные даже бегут на волю» (Шишков, 1982: 263). Другие постепенно спиваются и деградируют как и сам Шапошников. На страницах романа читатель знакомится со старожилами, которые переселились в Сибирь еще при царе Алексее Тишайшем, с беглыми от крепостного права и от солдатчины, с осевшими здесь казаками, что осваивали когда-то сибирские земли (Шишков, 1982: 74). Роман, написанный ярким, самобытным языком явился для европейского читателя прекрасным источником информации о культурной жизни сибирского региона.

5. Заключение

Любопытство и страх, порожденный неизвестностью, вызвала Сибирь у европейского жителя России. Она и манила к себе отчаянных авантюристов, стремившихся разом изменить свою судьбу, и отпугивала своей суровостью и грандиозностью людей нерешительных и осторожных. Отсутствие достоверных сведений о сибирском жизненном укладе не способствовало установлению более тесных культурных контактов между двумя регионами. Более или менее объективную картину жизни Сибири XIX в. помогают составить свидетельства российской интеллигенции, которая являлась коммуникативной нитью, связывающей регионы между собой. Анализируя воспоминания, письма и дневники представителей интеллигенции России необходимо учитывать, что их авторы имели в Сибири разный круг и среду общения и соответственно выносили из этого разные впечатления, влиявшие на их общее восприятие региона. Однако дополняя друг друга, эти документальные источники позволяют составить относительно полную картину жизни сибиряков. Поэтому свидетельства российской интеллигенции о жизни Сибири XIX в., безусловно, являются важнейшим источником для понимания социально-культурных процессов, которые происходили в регионе.

Литература

- Азадовский, 1928 – Азадовский М.К. Сибирский литературно-краеведческий сборник № 1. Иркутск, 1928. 122 с.
- Азадовский, 1988 – Азадовский М.К. Сибирские страницы: Статьи, рецензии, письма. Иркутск, 1988. 336 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Зверев, Дружинина, 2013 – Зверев В.А., Дружинина Ю.В. Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: динамика численности и профессиональной структуры // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. Вып. 8. С. 89–98.
- Короленко, 1926 – Короленко В.Г. Дневник. 1893–1894. Т. 2. Киев, 1926. 352 с.
- Короленко, 1935 – Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок : 1879–1885 / под ред. и с примеч. В.Г. Короленко и А.Л. Кривинской. Горький, 1935. 210 с.
- Короленко, 1985 – Короленко В.Г. История моего современника. Т. 3–4. М., 1985. 704 с.
- Короленко, 1987 – Короленко В.Г. . М., 1987. 512 с.
- Курышов, 2011 – Курышов А.М. «Ученый-сибиряк» С.П. Швецов и его научное наследие // *Историко-экономические исследования*. 2011. Т. 12. № 3. С. 103–113.
- Ленин, 1967 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967.
- Очерки, 1982 – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л.Ф. Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев. М., 1958. 848 с.
- Переписка А.П. Чехова – Переписка А.П. Чехова. В 2 тт. Т.1. М.: Худож. лит-ра, 1984.
- Резун, Шиловский, 2005 – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начала XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.
- Русские писатели... – Русские писатели: библиографический словарь. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. 874 с.
- Самойлова, 2006 – Самойлова Е.В. Роль интеллигенции в развитии социокультурного пространства губернских городов Западной Сибири во второй половине XIX века // *Известия Челябинского научного центра*. 2006. № 4 (34). С. 148–152.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1998 – Семенов-Тянь-Шанский В.П. Сибирская деревня // *Иртышский ветроград : сборник. Эссе, документы, воспоминания, хроника, рассказы, стихи*. М., 1998. С. 185–212.
- Чехов, 1976 – Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 4. М., 1976.
- Чехов, 1984 – Переписка А.П. Чехова в 2 тт. Т.1. М., 1984. 447 с.
- Чехов, 1987 – Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. / А.П. Чехов. Т. 14-15. М.: Наука, 1987.
- Швецов, 1909 – Швецов С.П. Сибирь. Кто в ней живет и как живет. СПб., 1909. 64 с.
- Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. // *Города Сибири XVII – начала XX века : сб. научн. ст.* Барнаул, 2004. С. 88–101.

- Шишков, 1987** – Шишков В.Я. Впечатления о Сибири // Воспоминания о В. Шишкове : сборник / сост. Н.Н. Яновский. М., 1987. 400 с.
- Яновский, 1987** – Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников : сборник / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск, 1987. 389 с.
- Finkel, 2003** – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. // *Russian Review*. 2003. Vol. 62. Iss. 4. pp. 589–613.
- Gentes, 2003** – Gentes A. (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. // *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.
- Graber, Murray, 2015** – Graber K.E., Murray J.D. (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. // *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 972–981.
- Karchaeva et al., 2017** – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D. Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. // *Bylye Gody*. 2017. 43 (1): 86–93.
- Pereira, 1993** – Pereira N.G.O. The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

References

- Azadovskij, 1928** – Azadovskij M.K. (1928). Sibirskij literaturno-kraevedcheskij sbornik № 1 [Siberian literary-local history collection No. 1]. Irkutsk. 122 p. [in Russian]
- Azadovskij, 1988** – Azadovskij M.K. (1988). Sibirskie stranicy: Stat'i, recenzii, pis'ma [Siberian pages: Articles, reviews, letters]. Irkutsk. 336 p. [in Russian]
- Chehov, 1976** – Chehov A.P. (1976). Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. [Complete works and letters in 30 vol.]. Vol. 4. Moscow. [in Russian]
- Chehov, 1987** – Chehov A.P. (1987). Poln. sobr. soch. i pisem v 30 t. [Complete works and letters in 30 vol.]. Moscow, 1987. Vol. 14–15. [in Russian]
- GAIO** – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [State archive of Irkutsk region].
- GAKK** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk region].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti [State archive of Tomsk region].
- Janovskij, 1987** – Vjacheslav Shishkov v vospominaniyah sovremennikov: sbornik / sost. N.N. Janovskij [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of contemporaries: a collection / compiled N.N. Yanovsky]. Novosibirsk, 1987. 389 p. [in Russian]
- Korolenko, 1926** – Korolenko V.G. (1926). Dnevnik. 1893–1894 [Diary. 1893 Russkie pisateli 1894]. Vol. 2. Kiev. 352 p. [in Russian]
- Korolenko, 1935** – Korolenko V.G. (1935). Pis'ma iz tjurem i ssylok: 1879–1885 / pod red. i s primech. V.G. Korolenko i A.L. Krivinskoj [Letters from prison and exile: 1879–1885 : edited and with notes by V.G. Korolenko, and A.L. Krepinskiy]. Gor'kij. 210 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985** – Korolenko V.G. (1985). Istorija moego sovremennika [The history of my contemporary]. Vol.3-4. Moscow. 704 p. [in Russian]
- Korolenko, 1987** – Korolenko V.G. (1987). Sibirskie rasskazy i ocherki [Siberian stories]. Moscow, 512 p. [in Russian]
- Kuryshov, 2011** – Kuryshov A.M. (2011). «Uchenyj-sibirjak» S.P. Shvecov i ego nauchnoe nasledie ["Scientist-Siberian" S.P. Shvetsov and his scientific legacy]. *Istoriko-jekonomicheskie issledovanija*. V. 12. No. 3. pp. 103–113. [in Russian]
- Lenin, 1967** – Lenin V.I. (1967). Poln. sobr. soch. [Complete works]. Vol. 5. Moscow. [in Russian]
- Ocherki, 1982** – Ocherki russkoj literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. V. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – Panteleev L.F. Vospominanija [Memories]. Moscow, 1958. 848 p. [in Russian]
- Perepiska, 1984** – Perepiska A.P. Chehova v 2 t. T.1 [Correspondence of A.P. Chekhov in 2 volumes. Vol.1]. M., 1984. 447 p. [in Russian]
- Perepiska...** – Perepiska A.P. Chehova [Correspondence of A.P. Chekhov]. V 2 tt. T.1. Moscow, 1984. [in Russian]
- Rezun, Shilovskij, 2005** – Rezun D.Ja., Shilovskij M.V. (2005). Sibir', konec XVI – nachala XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov [Siberia late XVI – early XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. 193 p. [in Russian]
- Russkie pisateli...** – Russkie pisateli: bibliograficheskij slovar'. Ch. 2 [Russian writers: a bibliographical dictionary. Part 2]. Moscow, 1990. 874 p. [in Russian]
- Samojlova, 2006** – Samojlova E.V. (2006). Rol' intelligencii v razvitii sociokul'turnogo prostranstva gubernskih gorodov Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX veka [The role of intellectuals in the development of socio-cultural space of the provincial cities of Western Siberia in the second half of the XIX century]. *Izvestija Cheljabinskogo nauchnogo centra*. No. 4 (34). pp. 148–152. [in Russian]

- Semenov-Tjan-Shanskij, 1998** – *Semenov-Tjan-Shanskij V.P.* (1998). Sibirskaja derevnja [Siberian village]. Irtyshskij vetrograd: sbornik. Jesse, dokumenty, vospominanija, hronika, rasskazy, stihi. Moscow. pp. 185–212. [in Russian]
- Shilovskij, 2004** – *Shilovskij M.V.* (2004). Povsednevnaia sreda obitanija gorodskoj intelligencii Sibiri v XIX – nachale XX v. [Everyday living environment of the urban intelligentsia of Siberia in the XIX – early XX century]. *Goroda Sibiri XVII – nachala XX veka* : sb. nauchn. st. Barnaul. pp. 88–101. [in Russian]
- Shishkov, 1987** – *Shishkov V.Ja.* (1987). Vpechatlenija o Sibiri. Vospominanija o V. Shishkove: sbornik / sost. N.N. Janovskij [Impressions of Siberia, memories of V. Shishkova: a collection. Compiled N.N. Yanovsky]. Moscow. 400 p. [in Russian]
- Shvecov, 1909** – *Shvecov S.P.* (1909). Sibir'. Kto v nej zhivet i kak zhivet. SPb., 64 p. [in Russian]
- Zverev, Druzhinina, 2013** – *Zverev V.A., Druzhinina Ju.V.* (2013). Sel'skaja intelligencija Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX veka: dinamika chislennosti i professional'noj struktury [Rural intelligentsia of the Western Siberia in the late XIX – early XX century: the population dynamics and occupational structure]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. Vol. 12. Is. 8. pp. 89–98. [in Russian]
- Finkel, 2003** – *Finkel S.* (2003). Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*. Vol. 62. Is. 4. pp. 589–613.
- Gentes, 2003** – *Gentes A.* (2003). Licentious girls' and frontier domesticators: women and Siberian exile from the late 16th to the early 19th centuries. *Sibirica*, Vol. 3 (1), pp. 3–20.
- Graber, Murray, 2015** – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38 (4): 972–981.
- Karchaeva et al., 2017** – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. 2017. 43 (1): 86–93.
- Pereira, 1993** – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*. Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

УДК 93/94

Сибирь XIX века глазами российской интеллигенции

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Сергей Тихонович Гайдин ^b, Григорий Александрович Реут ^b

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности восприятия Сибири XIX в. представителями российской интеллигенции. Рассмотрены цели её пребывания в Сибири и контакты с различными представителями местного населения. Показаны специфические черты жизни губернских и провинциальных уездных городов Сибири. Закономерности, выявленные в ходе анализа источников, оставленных российской интеллигенцией позволяют говорить об общности социально-культурных процессов, происходивших в сибирском регионе и центральной России в XIX в. А так же обосновать зависимость этих процессов от изменений, протекавших в культурной жизни России. В ходе сравнительного анализа дневников, путевых заметок, писем Л.Ф. Пантелеева, А.П. Чехова, В.Я. Шишкова, В.Г. Короленко, С.П. Швецова выявлены различия и общие черты в их восприятии отдельных сторон жизни сибиряков. Различия в восприятии культурной жизни региона представителями российской интеллигенции были обусловлены причинами, по которым они попадали в Сибирь, а так же во многом тем, с какими представителями сибирского населения им приходилось общаться. В статье показаны отличительные черты в этическом и эстетическом восприятии действительности между российским населением и сибиряками. Отмечены такие специфические стороны характера сибирского народа как гордость, независимость, фактическое отсутствие чувства религиозности, неразвитость эстетической способности восприятия мира. Важность этих наблюдений, проделанных российской интеллигенцией, обусловлена тем, что местная интеллигенция в основном происходила из народа, а значит и унаследовала специфические черты его характера, что повлияло в свою очередь на систему культурных ценностей, создаваемых ею.

Ключевые слова: интеллигенция, культура, Россия, Сибирь, А.П. Чехов, В.Я. Шишков, В.Г. Короленко, Л.Ф. Пантелеев, С.П. Швецов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), kaf.history@mail.ru (С.Т. Гайдин)